

Почему культура становится политикой?

Иван ЗАСУРСКИЙ, руководитель Лаборатории медиакультуры и коммуникаций факультета журналистики МГУ, заместитель генерального директора Интернет-холдинга "Рамблер"

Тема моего выступления - "Почему культура становится политикой?". Некоторые из идей, о которых я буду говорить, представлены в моих книгах, к которым я и отсылаю желающих разобраться в этих проблемах глубже. Одна из этих книг называется "Масс-медиа второй республики", другая - "Реконструкция России". Обе книги есть в Интернете.

Начну с констатации, что политика как пространство и идентификация, то есть как та сфера социальных коммуникаций, которая была очень активна, очень важна в начале 90-х, сегодня перестала существовать. Точнее, произошла трансформация этой сферы, которая привела к тому, что на место реального противостояния пришел PR, что-то несерьезное. Для меня, скажем, политика важна как пространство, где происходят дискуссии, где происходит коммуникация, где обозначаются какие-то противоречия, и они разрешаются в ходе политической драмы. Политики выстраивают позиции, идут навстречу друг другу или, наоборот, прекращают переговоры, строят коалиции. Но у нас ничего этого нет. Одно дело, как это выглядело в конце 80-х и в начале 90-х. Другое - то, что происходит сейчас. Вспомним историю 90-х годов XX века. Сколько людей смотрело трансляции со Съездов народных депутатов. Какая была атмосфера напряженности, переживания по поводу событий. Август, октябрь, 91-й, 93-й год, выборы. Все было по-настоящему. Сейчас все в принципе не так. Сегодня люди уже не будут, наверное, спорить из-за принадлежности к той или иной партии. Мне кажется, что политика перестала быть сферой, в которой находят выражение и разрешение общественные противоречия. Она стала просто механизмом, который работает не столько по принципу коммуникаций, сколько по принципу управления.

В конечном счете, все сводится к процессу миграции внимания общества от одной сферы социальной жизни к другой, подъемам и спадам интереса к разным ее сторонам. Происходит, наверное, и балансирование интереса между культурой и политикой. Однако существуют общие для культуры и политики функции, которые и позволяют сравнивать эти сферы человеческой деятельности. И в культуре, и в политике происходит общественный диалог, коммуникация, предъявление "образцов", символизирующих пожелания и требования различных групп населения, т.е. разных представителей аудитории. Так в медиа-сфере выковывается образ национального характера, если угодно. И культурные события в его определении играют не меньшую роль, чем политические.

В этом смысле политика стала скучна. Жизнь ушла из политики в другие сферы. Моя гипотеза состоит в том, что общественная энергия, а соответственно, и коммуникационная функция из политики перешла в культуру. Культура становится политикой, потому что из политики уходят различия, а в культуре они остаются. В политике нет больше противостояния, а в культуре оно есть. Культура в данном случае понимается очень широко как пространство, из которого люди черпают какие-то штрихи к собственной идентичности, к собственным образам, к собственному пониманию. Понятно, что в этом пространстве есть разногласия. Здесь имеет смысл вспомнить Хантингтона. В этом смысле то, что сегодня происходит у нас, освещение проблем мультикультурализма - это очень важно. И теракты 11-го сентября - это типичная проблема культуры. Потому что есть разные цивилизации, разные системы понимания мира. Между ними не существует коммуникации, они не общаются, у них нет точек соприкосновения.

Есть очень хорошая книжка Вишневого, называется "Серп и рубль". Это книга, в которой описывается история трансформации Советского Союза в Россию в XX веке. Не история каких-то политических катаклизмов, не история трансформации политической оболочки, а история социальной, социологической трансформации. И оказывается, что основным процессом, который происходил на протяжении всего века, был процесс урбанизации. Вот что определяло на самом деле качественные характеристики изменения жизни в России.

Есть противоречие между городом и деревней, хорошо документированный конфликт. Можно сформулировать, что такое город, есть определенное понятие деревни. Я думаю, что на интуитивном уровне понятно, о чем идет речь. Но, в принципе, для города мультикультурализм - это естественно. Чем более развитая, чем более зрелая городская цивилизация, тем меньше эта проблема. Возьмем, скажем, Нью-Йорк. В чем смысл Нью-Йорка? Почему он так завораживает? Все очень просто: в нем нет социальной нормы. Когда нет социальной нормы, то нет проблем мультикультурализма, потому что каждый в меньшинстве. Могут быть проблемы с взаимопониманием, но нет социальной нормы. Есть ощущение, что негр, индус, пакистанец, поляк, немец, русский, мексиканец имеют право быть самими собой. И вот они встречаются. Они очень разные, но, пользуясь английским языком, они, скорее всего, прекрасно поймут друг друга. У них нет проблем. Проблемы есть там, где существует норма. Это очень важно. Потому что в деревне есть норма. Деревенский образ жизни построен на нормах. В принципе, это традиционная культура. То есть, в этих местах характерно неприятие чужого, часто появляется оппозиция "свое - чужое". Деревня - довольно замкнутая община, в которой, по большому счету, боятся нового. Потому что есть некий ритм и есть некая система, которая работает. Она замкнута на себя. Новое отторгается. В одной из деревень, где я жил, не любили армян. Потому что они жили лучше других. В других деревнях кого-то еще не любят. Это все очень бытовое, но это есть. И это отличает деревню от города.

В городе, конечно, существуют свои проблемы - одиночество в толпе, например. Ощущение, что ты сам выстраиваешь свою жизнь, появляется реже, чем необходимость подстраиваться под городские ритмы, встречи и расписания.

Канадский ученый Маклюэн сформулировал гипотезу о том, что с возникновением телевидения мир становится похожим на "глобальную деревню". Если где-то что-то происходит - об этом узнают все, весь мир. Глобальная деревня, конечно, есть, но существует еще глобальный город. Глобальный город строится по-другому, его связывают другие вещи. Глобальный город формируется паутиной информационных связей. Фондовые и валютные рынки, потоки инвестиций, перемещения по службе из страны в страну, CNN, газеты и журналы, книги. Всегда, почти везде.

В глобальной деревне есть мощный эмоциональный response, отклик. Смотрим, как небоскребы взрываются. Но при этом отреагировать, сделать ничего невозможно. Только сидеть вместе и смотреть, переживать. Вот что такое "глобальная деревня". В том смысле, что "глобальная деревня" - это изоляция. Действительно, что-то происходит, но это картинки на экране. Они вторгаются в жизнь, но на них нельзя ответить. Нет способа, нет возможности. Поскольку вмешательство невозможно, эта сфера коммуникации маркируется как почти сакральная. Общая для всех, она порождает важнейшие ритуалы, которые помогают ковать идентичность наций, начиная с XX века, - медиа-события. Это важно, но этим роль "глобальной деревни" и ограничивается. Она дает ощущение присутствия, не решая насущных задач. Однако существуют информационные системы, которые работают по совершенно другим принципам. Они могут дать ту информацию, которая тебе нужна. Это новые интерактивные медиа, общей информационной средой для которых является Интернет.

Конечно, они не имеют тотального, исчерпывающего значения, но смешиваются с традиционными медиа в густой коктейль, где сохраняется возможность непосредственного общения между пользователями. Другими словами, новые медиа позволяют нам быть более активными и преследовать намного более комплексные и продвинутые стратегии, предпринимать действия и выбирать между большим количеством возможностей.

Это совершенно новая форма социальной организации. Горизонтальная, очень простая, без главных центров, с небольшими организационными центрами, которые легко профинансировать. Это уже "глобальный город". Возможно, террористические акты - тоже отсюда, если за городом прячется исламская "глобальная деревня". Но в европейских, американских и азиатских мегаполисах этого уже нет. Там - другое пространство. Менее органическое, менее вязкое и гораздо в меньшей степени пропитанное системой фиксированных взглядов. Западная жизнь менее религиозна, более рационализирована. В этом нет ничего нового. Новое в том, что у городской цивилизации появилось свое информационное пространство, которое предоставляет новые технологии для общения между людьми на личном уровне и расширенный доступ к информации.

Интернет - тоже своего рода город. Там есть места, где можно пообщаться, есть места, где можно встретиться, поговорить, развлечься. Если в "глобальной деревне" информационное пространство принадлежит массовым информационным каналам, то в случае с "глобальным городом" оно гораздо сильнее фрагментировано. Здесь повышается скорость информационного обмена между людьми, возможна коммуникация. Сеть - это новая индустрия социальной связи. Тогда как традиционная медиа-индустрия - это, прежде всего, просто индустрия потерянного времени.